

УДК 294.3(С17)

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НАЗНАЧЕНИЯ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ В БУДДИСТСКИЕ ОБЩИНЫ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

© 2016 С.В. Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет

Статья поступила в редакцию 01.02.2016

В статье рассматривается переход буддистских общин казаков-калмыков Уральского казачьего войска в ведение региональной российской администрации. Определен круг полномочий Уральского областного правления. Отмечена конфессиональная оторванность уральских буддистов от религиозных центров российского буддизма, что создавало трудности в подготовке грамотных священнослужителей.

Ключевые слова: буддизм, губернатор, калмыки, молитвенный дом, священнослужитель, Уральское казачье войско.

Сложившаяся к началу XIX века в Российской империи вероисповедальная политика исходила из того принципа, что каждому конкретному народу свойственна определенная, исторически обусловленная конфессиональная принадлежность. Смена вероисповедания российскими подданными поощрялась только в случае их перехода в православие. Однако веротерпимость, представленная даже в таком усеченном виде, требовала строгой правовой регламентации. От служителей всех без исключения конфессий наряду с лояльностью требовалось встраивание в централизованную систему государственного управления. Первый активный период этноконфессионального законодательства пришелся на николаевскую эпоху. В 1830-е годы были опубликованы: «Положение об устройстве Таврического Магометанского Духовного правления» (1831), «Устав протестантских церквей в Российской империи» (1832), «Положение для армяно-григорианского исповедания» (1836) и другие законодательные акты. В тех случаях, когда сложившаяся на местах ситуация не подпадала под действующее законодательство, инициатива по формированию государственного контроля за деятельностью конфессиональных иноверных обществ и групп переходила к местным органам государственной власти. Так, в 1835 году постановлением Войсковой канцелярии Уральского казачьего войска были приняты «Правила», регулировавшие порядок избрания и утверждения в должности духовных чинов у калмыков-идолопоклонников (буддистов. – С.Д.).

Казаки-калмыки Уральского войска представляют собой наименее изученную калмыцкую диаспору в пределах Российской империи. В современной историографии утвердилось ошибочное мнение о добровольном групповом вхождении Джунджузов Степан Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России.
E-mail: Djund@yandex.ru

калмыков в 1745 году в состав Уральского казачьего войска. В силу неверной интерпретации исторических фактов специалист по истории калмыцкого казачества П.К. Шовунов утвердился во мнении, что калмыки, поселившиеся в этом году в верховьях Яика в количестве семидесяти кибиток, с разрешения Правительства стали яицкими казаками. Исследователя даже не смутил тот факт, что в 1749 году, во избежание депортации в Калмыцкое ханство, большинство из них приняли крещение¹. На самом деле с указанного события началась история оренбургских калмыков, которые позднее стали оренбургскими казаками и были поселены на отведенной им территории в Бузулукском уезде². Ввиду недостатка источников логично предположить, что образование этнической группы уральских казаков-калмыков стало результатом длительных контактов уральских казаков и кочевавших в южно-уральских степях калмыков. В начале XVIII века в Уральском войске числилось 43 калмыка. Зачислению в Войско в первой половине XVIII века представителей кочевых народов содействовали установленные правительством запреты на прием беглых, большинство из которых составляли крепостные крестьяне. В результате в 1725 году в казаки было зачислено еще 110 калмыков, а в 1748 году в окрестностях Яицкого городка кочевало уже 620 калмыков, из них, как говорилось в донесении Яицкой канцелярии, 470 «в казаки не записаны, но служат по воле своей», остальные 150 калмыков кочуют «по воле своей»³.

Пик численности калмыцкого населения в Уральском казачьем войске пришелся на 40-60-е годы XIX века. В 1865 году оно насчитывало 1280 человек⁴. Но уже в 70-80-е годы число уральских казаков-калмыков существенно сократилось, упав к 1885 году до 934 человек. На основании того факта, что за предыдущее десятилетие смертность на 124 человека превысила рождаемость (родилось 450, умерло 574) и сокращение

составило 12%, Н. Бородин пришел к выводу о вымирании уральских калмыков⁵. Однако пессимистический прогноз уральского исследователя не подтвердился. В начале XX века демографическая ситуация стабилизировалась. В 1904 году, согласно ведомости о вероисповедальном распределении казаков, в Войске насчитывалось 936 язычников (калмыков-буддистов. – С.Д.), а еще через пять лет, в 1909 году – 948⁶. При этом калмыки являлись и самым малочисленным этническим сообществом уральского казачества. Его доля в общевоинском составе населения неуклонно сокращалась с 1,5% в 1876 году до 0,36% в 1908 году⁷. Несмотря на малочисленность кибитки уральских калмыков были рассредоточены на большей части войсковой территории. В середине XIX века места жительства калмыков были зафиксированы в восьми из десяти отделов Уральского войска⁸.

В XIX веке калмыки уже достаточно глубоко адаптировались к хозяйственному и общественному укладу казачьей жизни. В справке «по учету язычников» за 1866 год отмечалось, что «промыслы и занятия у язычников такие же, что и вообще у казаков. Как и казаки занимаются скотоводством, хлебопашеством, рыболовством, служат на внешней и внутренней службе»⁹. В Уральском войске о калмыках сложилось мнение как о казаках законопослушных, исполнительных и верных воинскому долгу.

Сословная принадлежность к казачеству у уральских калмыков гармонично сочеталась с унаследованным от предков этническим менталитетом. Теплое время года они проводили в степных кочевьях, между собой общались на родном им калмыцком языке и сохраняли приверженность буддийскому вероисповеданию. Случаи обращения калмыков в христианство встречались крайне редко. Данное обстоятельство объяснялось как отсутствием принудительного воздействия, так и неподготовленностью представителей местного православного духовенства к миссионерской деятельности и незнанием ими калмыцкого языка¹⁰.

Буддизм относился к числу религий, дозволенных к исповеданию российскими подданными. А так как помимо отправления культа на конфессиональные организации государство возлагало идеологическую функцию (формирование у верующих верноподданнических чувств) и регистрацию актов гражданского состояния (ведение метрических книг), то и их деятельность должна была регламентироваться специальным законодательством и контролироваться уполномоченными органами государственной власти.

«Правила» 1835 года, устанавливавшие порядок избрания буддийских священнослужителей – гецюлей и гелюнгов – при молитвенных домах (хурулах), состояли всего из трех пунктов. В первом пункте определялся порядок избрания.

Собрание прихожан следовало проводить при молитвенном доме в присутствии дистанционного или, если он в офицерском чине, станичного начальника. Избрание кандидата на вакантную должность удостоверялось письменным приговором, заверенным подписями выборщиков. Второй пункт устанавливал порядок утверждения в должности. Для служилых казаков требовалось разрешение оренбургского военного губернатора, назначение отставных казаков передавалось на усмотрение Присутствия Войсковой канцелярии. В третьем пункте оговаривались возрастные ограничения. Избранный на должность гецюля или гелюнга не должен был быть моложе 21 года. Не достигшие этого возраста претенденты, с разрешения Канцелярии, допускались к исполнению должности священнослужителя только в виде испытания¹¹.

Впервые представление о назначении буддийского священнослужителя поступило на утверждение оренбургского военного губернатора в 1844 году. В донесении Уральской войсковой канцелярии от 8 августа сообщалось, что в связи со смертью 15 мая 1843 года гецюля Кулагинского хурула (в тексте – молебища. – С.Д.) Дензина Мачинова казаки-калмыки, проживавшие на Нижней дистанции Нижнеуральской линии в Кулагинской и Горской крепостях и Гребенщиковском форпосте, с разрешения Войсковой канцелярии избрали гецюлем казака Бамбеева. Выборы проходили в соответствии с установленными «Правилами». Начальник уральской линии засвидетельствовал, что проживающий в его ведомстве казак Бамбеев по отзывам местного начальника и жителей «при хорошем поведении, знает хорошо калмыцкие духовные правила, и сверх того, говорит, читает и пишет по-русски». Необходимость избрания гецюля обосновывалась возложенными на него обязанностями по исполнению религиозных обрядов, приведению калмыков к присяге на верность службе «и по разным случаям, по делам следственным»¹².

Оренбургский военный губернатор Владимир Афанасьевич Обручев как представитель имперской власти считал правомерным руководствоваться только теми документами, легитимная сила которых удостоверялась высочайшими указами или подтверждалась распоряжениями высших должностных лиц. Прежде всего он считал нужным связаться с астраханским губернатором и выяснить, на основании каких законодательных актов происходит назначение ламаистского духовенства у калмыков в вверенной ему губернии. Астраханский губернатор уведомил Обручева, что избрание духовных лиц в астраханском калмыцком народе основывается на правилах, изложенных в статьях 636–638 «Учреждения об управлении инородцами», изданного в 1842 году и включенного в VII книгу II тома Полного собрания законов Российской империи. Однако рас-

пространить эти правила на буддистскую общину Уральского казачьего войска не представлялось возможным, так как назначением и увольнением священнослужителей у астраханских калмыков ведало Ламаистское духовное правление. Создавать подобное учреждение в Уральском войске, в силу малочисленности местных калмыков, было нецелесообразно. Вопрос был передан на разрешение министру внутренних дел, который 17 января 1846 года уведомил оренбургского военного губернатора, что «не встречает препятствий к соблюдению и на будущее время принятого по Уральскому казачьему войску порядка утверждения избираемых в духовные должности калмыков»¹³. Своим решением министр санкционировал переход буддистского духовенства уральских калмыков под юрисдикцию губернской администрации.

Последующая регламентация правового положения буддистской общины в Уральском казачьем войске шла в русле конфессиональной политики государства, суть которой сводилась к дальнейшему ограничению самостоятельности буддийской общины, сокращению штата буддистского духовенства и количества молитвенных домов. Последнее объяснялось практикой принуждения простых калмыков жертвовать значительные средства на содержание духовных лиц и исполнение ими религиозных обрядов¹⁴.

Инициатором ограничительных мер выступил генерал-губернатор оренбургский и самарский В.А. Перовский. 13 мая 1852 года им было постановлено считать за правило, чтобы на открывающиеся вакансии в духовные должности «к языческим мольбищам» определялись только уже вышедшие в отставку с казачьей службы калмыки. С этого времени назначение буддистских священнослужителей становилось прерогативой генерал-губернатора. Обязанность войскового атамана ограничивалась представлением сведений «к какому именно мольбищу избрано новое лицо, сколько при оном числится калмык, исповедующих ламайскую веру обоюбого пола и по каким уважениям предлагаемо назначение вновь избранного»¹⁵.

В результате установления запрета на избрание буддистских священнослужителей из числа малолетних и служилых казаков буддистские общины Уральского казачьего войска оказались в буквальном смысле в безвыходном положении. В 1856 году с проблемой отсутствия подходящей кандидатуры на должность гецюля из имеющихся отставных казаков столкнулись прихожане молитвенного дома в Кармановском форпосте. На созванном по этому поводу собрании они решили возложить исполнение обязанностей гецюля на 22-летнего служащего казака Алту Садминова. Его отец, сам отставной гецюль, с детства готовил сына к духовной службе. Основам буддийского вероучения Алту сначала обучался у местного духовенства,

а затем более года жил в Тюменевском хуруле, где «окончил обучение с хорошими успехами».

Важно отметить, что Войсковая канцелярия и сам наказной атаман К.К. Геке относились к исполнению обязанностей священнослужителей как к служению на благо общества и государства. Атаман не только поддержал выбор казаков-буддистов, но и от имени Канцелярии решился обратиться с ходатайством к генерал-губернатору об отмене действующего Предписания «если не во всех случаях... то, по крайней мере, в случаях подобных настоящему, при неимении к замещению вакансий отставных казаков». К.К. Геке выразил сомнение, что казаки, уволенные в запас после продолжительной 25-летней службы, будут добровольно соглашаться вступать в духовные должности. Кроме того, даже если предположить, что когда-то в детстве отставной казак получил духовное образование и готовился стать священнослужителем, то по прошествии четверти века он едва ли мог сохранить полученные знания и в силу возраста успешно справляться со своими должностными обязанностями по отправлению религиозного культа. Несмотря на подобострастный тон, выдержанный в выражениях типа: «представить на благоусмотрение губернатора» и «Войсковая канцелярия почтительнейше просила в разрешении этой просьбы», ходатайство указывало на явную иррациональность распоряжения генерал-губернатора. Признание собственных ошибок не было свойственно В.А. Перовскому. Известен случай, когда ради сохранения авторитета он отказался подчиниться сенатскому указу, отменявшему отданные им распоряжения¹⁶. И на этот раз оренбургский генерал-губернатор не счел нужным вступать в полемику с подведомственной организацией, ограничившись коротким уведомлением, что «утверждение избранного в звание гецюля к Кармановскому калмыцкому мольбищу служащего казака Алту Садминова не может быть допущено по причинам, изложенным в предписании моем от 13 мая 1852 года»¹⁷.

По требованию В.А. Перовского было проведено почти двадцатипроцентное сокращение штатного состава буддистского духовенства в Уральском казачьем войске – с 21-го в 1845 году до 17-ти в 1852 году. Причем за тот же период исповедовавшее буддизм войсковое калмыцкое население, напротив, незначительно увеличилось – с 1074 до 1215 человек¹⁸.

Сложившийся в середине XIX века административный порядок назначения и учета буддистского духовенства в последующие десятилетия оставался неизменным. После образования в 1868 году Уральской области управление духовными делами буддистов перешло в ведение Уральского областного правления. Окончательное правовое обоснование оно получило 16 августа 1879 года в разъяснительном циркуляре Департамента духовных дел иностранных испо-

веданий, подписанном министром внутренних дел Л.С. Маковым. В своих суждениях министр ссылался на действующее законодательство (Свод законов Российской империи, изд. 1858 г., т. XI, ст. 1083, 1179, 1250, 1262-1276, 1278). Из него следовало, что «утверждение в должностях лиц, занимающихся совершением богомоления и религиозных обрядов по другим не христианским исповеданиям, производится губернскими правлениями». В Астраханской губернии назначение на духовные должности калмыков-буддистов производилось с разрешения Губернского правления государственных имуществ. На том основании, что, согласно § 36 «Положения об управлении в степных областях», Областное правление соединяло в себе власть и обязанности губернского правления, палаты казенной, гражданского и уголовного судов и губернского правления государственными имуществами, министр внутренних дел пришел к заключению, о том, что и «назначение на духовные должности ламайского исповедания калмыков Уральского войска должно быть отнесено к кругу деятельности Уральского областного правления»¹⁹.

Таким образом, переход буддистских общин в административное ведение Уральского областного правления, исходя из принципа аналогии, регулировался не специально разработанным законом, а нормативными актами, предназначенными для управления степными народами, не относящимися к казачьему сословию. К полномочиям Областного правления относилось определение штатов буддистского духовенства, утверждение в должности священнослужителей, разрешение на открытие новых молитвенных домов. В то же время в конфессиональном отношении буддистское духовенство Уральского войска оставалось независимым от религиозных центров российского буддизма, возглавляемых в европейской части страны верховным ламой калмыцкого народа и бакшой донских калмыков. Последнее обстоятельство способствовало кон-

фессиональной изоляции уральских калмыков и создавало трудности в подготовке для их общин грамотных буддистских священнослужителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шовунов К.П. Калмыки в составе Российского казачества (вторая половина XVII-XIX в.). Элиста, 1992. С.47-48.
- ² Джунджузов С.В. «Они люди степные и в вере еще не совершенные...». Оренбургский след в крещении калмыков // Родина. 2014. №10. С.110-112.
- ³ Сагнаева С. «Уральцы» – локальная группа уральских казаков http://www.yaik.ru/rus/forces/history/index.php?ELEMENT_ID=2208&SECTION_ID=287.
- ⁴ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 8. Д. 181. Л. 89-90.
- ⁵ Бородин Н. Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах. Уральск, 1891. С.139.
- ⁶ Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1905 год. Уральск, 1905. С.65; Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1910 год. Уральск, 1910. С.103.
- ⁷ Бородин Н. Указ. соч. С.139; Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1905 год. Уральск, 1905. С.65; Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1910 год. С.103.
- ⁸ Шовунов К.П. Указ. соч. С.160.
- ⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп.6. Д.14058. Л.11.
- ¹⁰ Там же. С.12-12об.
- ¹¹ Там же. Оп.12. Д.423. Л.5.
- ¹² Там же. Оп.11. Д.788. Л.1-1об.
- ¹³ Там же. Л.21.
- ¹⁴ Курапов А.А. Деятельность и предложения астраханского губернатора И.С. Тимирязева по реформированию религиозной жизни калмыков в 1830-1840-е гг. // Вестник архивиста. 2011. №4. С.212.
- ¹⁵ ГАОО. Ф.6. Оп.12. Д.423. Л.10.
- ¹⁶ Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Межведомственные тяжбы вокруг земель калмыцкой команды Оренбургского казачьего войска (30-е гг. XIX в.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. №2 (т.4). С.119-135.
- ¹⁷ Там же. Д.1276. Л.6-11.
- ¹⁸ Там же. Л.9-10.
- ¹⁹ Там же. Оп.15. Д.1311. Л.5-6.

LEGAL REGULATION OF PRIESTS' APPOINTMENT IN BUDDHIST COMMUNITIES OF THE URAL COSSACK FORCES IN THE MIDDLE AND THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

© 2016 S.V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University

The article deals with the transferring of Buddhist Kazakhs-Kalmyks regiments of Ural Cossack forces to the jurisdiction of regional Russian authorities. The author defines the limits of power of the Ural regional government attorney. He points that the confessional isolation of Ural Buddhists from the religious Russian Buddhist centers produced difficulties with the training of literate clergy.

Keywords: buddhism, a governor, kalmyks, a prayer house, a clergyman, the Ural Cossack forces.

*Stepan Dzhundzhuzov, Candidate of History, Associate Professor, Russian History Department.
Email: Djund@yandex.ru*